

Валерий Брюсов

Об одном вопросе ритма

Валерий Яковлевич Брюсов

Об одном вопросе ритма

«„Символизм“ Андрея Белого – одна из тех книг, в которых говорится *de omni rescibili et quibusdam aliis!* Оглавление предлагает читателю „проблему культуры“, вопросы „о научном догматизме“ и „о границах психологии“, „эмблематику смысла“, „принцип формы в эстетике“, „сравнительную морфологию ритма русских лириков“, „магию слов“ и т. под. Но оглавление слишком скромно и содержание книги гораздо разнообразнее. Так, мы находим в ней еще рассуждения о теософии, о китайском языке, о коэффициенте расширения газов, о ведийской литературе, о инструментализме Ренэ Гиля, о вихревом движении жидкостей, о каббалистике и астрологии, о прагматизме и прагматистах, о памятниках египетской письменности, о психофизическом параллелизме, о термохимии и о многом другом. Попутно Андрей Белый рассказывает биографии великих людей, как, напр., Гельмгольца, составляет списки пособий для самообразования и еще находит место для полемических выпадов и для лирических автобиографических признаний...»

Содержание

#1	0005
I	0006
II	0012
III	0023

**Об одном вопросе ритма
(по поводу книги Андрея
Белого «Символизм»)**

A *поллон, № 11, 1910*

«Символизм» Андрея Белого – одна из тех книг, в которых говорится *de omni rescibili et quibusdam aliis!* Оглавление предлагает читателю «проблему культуры», вопросы «о научном догматизме» и «о границах психологии», «эмблематику смысла», «принцип формы в эстетике», «сравнительную морфологию ритма русских лириков», «магию слов» и т. под. Но оглавление слишком скромно и содержание книги гораздо разнообразнее. Так, мы находим в ней еще рассуждения о теософии, о китайском языке, о коэффициенте расширения газов, о ведийской литературе, о инструментализме Ренэ Гиля, о вихревом движении жидкостей, о каббалистике и астрологии, о прагматизме и прагматистах, о памятниках египетской письменности, о психофизическом параллелизме, о термохимии и о многом другом. Попутно Андрей Белый рассказывает биографии великих людей, как, напр., Гельмгольца, составляет списки пособий для самообразования и еще находит место для полемических выпадов и для лири-

ческих автобиографических признаний.

Собственно говоря, огромный том, более чем в 600 страниц, представляет собою две книги, произвольно-соединенных под одной обложкой. Обе книги, в большей своей части, посвящены вопросам весьма специальным... Первая (или первая часть тома) занята философским и историческим оправданием символизма. В ряде статей, критикующих различные распространенные (в философии, в науке, в обществе) взгляды на природу истины. Андрей Белый старается установить, что истина доступна человеку только в символах. Статьи написаны тяжело и языком трудным. Вторая книга (вторая часть тома) занята исключительно вопросами русской метрики, и к «символизму» отношение имеет лишь самое отдаленное, какое вообще не может не иметь теория стиха к теории поэзии. От читателя эти статьи требуют исключительного внимания к вопросам ритма и стихосложения.

Какого, однако, читателя имел в виду сам Андрей Белый, сказать трудно. Тогда как в тексте он разбирает сложные вопросы

теории познания, приводит математические формулы, делает ссылки на редчайшие издания, – в комментариях, присоединенных к книге, он берет на себя роль популяризатора. Здесь он считает нужным сообщать читателю, что Кант – это «основатель критической философии», «Вундт – известный немецкий психолог», «Гартман – модный в свое время философ», и объяснять, что такое «рондо» и «триолет» или что такое «метафора» и «метонимия». В этих же комментариях делаются длинные выписки из «Критики чистого разума», чтобы доказать априорность пространства, а также выписки общеизвестных страниц Шопенгауера и Ницше. Затем, по поводу всякого вопроса, затронутого в книге, приводится его «литература» и в том числе то перечень книг для лиц, «с философией вовсе незнакомых и желающих ориентироваться в философских проблемах», то, – сочинений, касающихся «санскритской письменности»...

Оценить всю эту ученость Андрея Белого под силу только человеку с познаниями поистине энциклопедическими. Мы же только можем заметить, что в тех вопросах, которые

нам более или менее известны, сведения, даваемые «Символизмом», оказываются небезупречными. Так, например, перечни книг, «касающихся теории и стиля символистов», и «журналов, в которых дебатировались вопросы символизма», бесспорно состоят из случайного набора заглавий. В перечень журналов внесены такие популярные, ничего общего с «символизмом» не имеющие издания, как «Revue Hebdomadaire», «La Nouvelle revue moderne», «Freistadt», «Nuova Antologia», «Nuova Parola», и пропущены «Revue Blanche», «Pan», «Insel», «Ver Sacrum» и т. под. Среди книг указана вовсе не существующая книга Ренэ Гиля «Notes sur le Symbolisme», и книга Гиммельштерна «Rhythmik-Studien», о «символизме» и не поминающая, и т. п. Столь же небезупречны сообщения Андрея Белого (на которые он очень щедр) о различных явлениях античной жизни. Характеристики учений греческих философов сделаны им крайне сбивчиво и неточно. «Пеон» на протяжении всей книги называется «пэаном», а в одном примечании, где Андрей Белый пытается эту свою явную ошибку оправдать,

он уверяет, что «пэаны» были гимны в честь Диониса (в действительности – в честь Аполлона). Название «Илиады» во всей книге упорно пишется через два л. И т. д.

Написан «Символизм» поразительно неровно: некоторые страницы сильно и выразительно, другие – крайне небрежным, можно сказать неряшливым языком. Мы уже не говорим о том, что от книги подобного рода можно требовать крайне осмотрительного обращения с терминами (чего в «Символизме» нет вовсе), но в целом ряде мест простая ясность изложения оставляет желать многого. Иные статьи написаны так плохо, что надо только удивляться, как позволил это себе Андрей Белый, один из наших лучших стилистов. В книге на каждом шагу встречаются выражения несообразные, почти комические: «в ряде течений переносится центр тяжести на вопросы», «путь чреват будущими обобщениями», «условной моделью перекидываем мы мост», «освещать педантизм в свете сложного дерева браманизма», «Тритгейм, учениями которого явились два таких имени» и т. под. Такая неряшливость особенно неприятна

В книге, где много говорится о слоге и проповедуется величайшее внимание к языку.

Предоставляя разбор всей книги лицам, более к тому подготовленным и более осведомленным в специальных философских вопросах, мы остановимся только на одной её стороне, точнее на одном из поднятых Андреем Белым вопросов.

Значительная часть второй половины, Символизма посвящена исследованию русского четырехстопного ямба.

Дело в том, что Андрей Белый, в «Символизме», выступает сторонником «научной эстетики». На место субъективной критики произведений искусства, руководимой личным вкусом критика, он хочет поставить критику научную, отправляющуюся от экспериментальных данных. Предметом такого эксперимента в области искусств, по мнению Андрея Белого, может быть только их «форма». В поэзии «формой» является ритм речи, в частности стиха, т.-е. «слова, расположенные в своеобразных фонетических, метрических и ритмических сочетаниях».

Как пример такого эксперимента в обла-

сти поэзии, Андрей Белый приводит свои наблюдения над ритмом четырехстопного ямба и свои выводы из этих наблюдений. Специально этому вопросу посвящены в «Символизме» две статьи: «Сравнительная морфология ритма русских лириков» и «Опыт характеристики русского четырехстопного ямба»; но теми же наблюдениями не раз пользуется Андрей Белый и в других статьях. С внешней стороны эти исследования Андрея Белого имеют всю видимость «научности». Он приводит в них составленные им статистические таблицы, постоянно оперирует цифрами, засыпает терминами. Свои выводы относительно сравнительной ритмичности стиха тех и других поэтов он заканчивает заявлением, что это – «не субъективная оценка», но «беспристрастное описание». Мы, однако, склонны думать, что Андрей Белый заблуждается, что действительной научности в его статьях весьма немного и что его выводы все же остаются его «субъективными» догадками.

Прежде всего возбуждает сомнение объем того материала, которым Андрей Белый пользовался. Оказывается, что его наблюдения бы-

ли сделаны не только не над всем количеством четырехстопного ямба, какое имеется в русской литературе (что вряд ли и возможно), но даже не над всеми теми поэтами, которых должно считать создателями русского стиха и которым в истории русской поэзии принадлежит почетное место. Так, вне наблюдений Андрея Белого остались: бар. Дельвиг, кн. Вяземский, Веневитинов, Крылов, Грибоедов, Щербина, Кольцов, Огарев и мн. др., а из более новых – Голенищев-Кутузов, Фофанов, Ив. Коневской (хотя изучен, например, Городецкий). Мало этого: из тех поэтов, стихи которых были подвергнуты исследованию, взято было не все количество стихов, написанных ими данным размером, но, как выражается Андрей Белый, «определенная порция», именно 596 стихов. Как была выбрана эта порция, случайно или по некоторым соображениям, почему одни стихи были обследованы, другие нет, об этом Андрей Белый не упоминает нигде.

Далее оказывается, что о ритме стихов Андрей Белый судил не по всей совокупности тех элементов, которые образуют ритм стиха,

а только по одному единственному элементу, именно по количеству и по положению в стихах данного поэта пиррихийев.

Как известно, чистых ямбов и хореев в русском стихе почти не бывает. Ударения тонические далеко не всегда совпадают с ударениями логическими, и на многих слогах, в слове, собственно говоря, не ударяемых, в стихе стоит условное ударение, называемое обычно второстепенным.

Так, в стихе:

Цыганы шумною толпой

главных ударений только три, по числу слов, но к ним присоединяется четвертое, на третьей, пиррихической, стопе, на последнем слоге слова «шумною». Поэтому наш четырехстопный ямб, смотря по месту, занимаемому второстепенным ударением, может иметь 6 основных (наиболее употребимых) модуляций:

Наблюдения Андрея Белого сводятся к подсчету количества тех или иных модуляций и тех или иных комбинаций из этих модуляций у различных лириков. Его статистиче-

1)	↘	↘	↘	↘
2)	↘	↘	↘	↘
3)	↘	↘	↘	↘
4)	↘	↘	↘	↘
5)	↘	↘	↘	↘
6)	↘	↘	↘	↘

ские таблицы показывают, какую из этих модуляций и в каких сочетаниях данный поэт предпочитает (все – в определенной «порции» стихов). Сопоставляя цифры своих таблиц и принимая большую цифру пиррихий и большее количество комбинаций из различных модуляций за большую ритмичность, Андрей Белый делает выводы о сравнительном «богатстве» ритма различных поэтов.

Между тем, в действительности, пиррихии ни в каком случае не определяют сами по себе ритма стиха. Ритм складывается из комбинации целого ряда факторов, среди которых пиррихии занимают лишь одно, определенное место. В число этих факторов, кроме пиррихий, входят еще: цезуры, логический строй стиха, словесная инструментровка (аллитерация, внутренние рифмы, ассонансы и т. под.), расположение рифм, построение

строфы, структура образов и т. д. В зависимости от влияния всех этих элементов, одних в большей, других в меньшей степени, шесть указанных выше модуляций, в свою очередь, распадаются на ряд весьма различных ритмических форм (вариантов).

Особенно тесно значение пиррихийев зависит от цезур стиха. Возьмем два стиха:

Тиха украинская ночь.

Богат и славен Кочубей.

По строю пиррихийев оба стиха принадлежат к 4-ой из указанных нами модуляций, и в исследованиях Андрея Белого такие стихи считаются ритмически тождественными. Но, вероятно, наименее изощренное в ритмах ухо различит все громадное ритмическое различие этих двух стихов. Ритм первого нежен и гибок, второго – тверд и суров. Это различие определено различием цезур. В первом стихе пиррихическая стопа не отделена цезурой, и второстепенное ударение падает на предпоследний слог слова; во втором – пиррихическая стопа начинается непосредственно по-

сле цезуры, и второстепенное ударение падает на первый слог слова. Возьмем другой пример. Как образцы довольно редкой 6-ой модуляции, Андрей Белый приводит стихи З. Гиппиус и свои. Вот стих З. Гиппиус:

Безрадостно-благополучно.

Ритм легкий, красивый. А вот стих Белого:

Над памятниками дрожат.

Неуклюжий, несуразный (ритмически) стих, который едва можно выговорить. Но вся разница между этими стихами – только в расположении цезур. У З. Гиппиус выбраны наиболее легкие цезуры (второстепенное ударение на последнем слоге и на втором от начала), а у Андрея Белого – самые тяжелые, наименее позволительные. Точно также два стиха:

Швед, русский, колет, рубит, режет.

Печальный демон, дух изгнанья. –

по характеристике Андрея Белого принадлежат ритмически к одному типу, как пол-

ные ямбы (без пиррихий). Между тем ритмически они прямо противоположны.

Такое же значение имеют цезуры и в стихах хореических. Вот два двустипишие:

*Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь
блестит...*

*Это было в средние века,
На высотах Умбрии лесистой...*

По расположению пиррихий эти стихи тождественны. Но различие цезур делает стихи Лермонтова музыкой грусти и торжественности, а стихи Мережковского легкой повествовательной речью.

Влияние цезур видоизменяется расположением в стихе логических ударений. Вот два стиха:

И разрезающе-остра...

Я, хитроумный Одиссей...

В этих стихах совершенно одинаково и расположение пиррихий и расположение цезур. Однако, ритм второго стиха более сло-

жен, что зависит от того, что в нем на слабую (неударяемую) часть первой стопы падает логическое ударение. Сходным примером могут служить стихи:

Ночь! ночь! о где твои покровы!

О, верь мне, я один поныне...

Приведенные примеры, как нам кажется, достаточно доказывают, что судить о ритме и ритмичности стиха только на основании строя его пиррихий – неосновательно. Еще менее основательно богатство стиха пиррихиями и различными комбинациями пиррихических модуляций – отождествлять с ритмическим богатством стиха. Пиррихии обогащают ритм стиха только в удачных соединениях с цезурами стиха и с другими его элементами. В других же случаях пиррихии могут тяжелить ритм стиха. В статистических таблицах, составленных Андреем Белым, и в его рассуждениях о ритме четырехстопного ямба мы видим следующие недостатки.

Во-первых, им отождествляются, как имеющие одинаковый ритм, стихи ритмически

различные (он не принимает в расчет варианты, образуемых в пиррихических модуляциях – цезурами).

Во-вторых, ряд явлений в стихе им оценивается неверно (за показатель ритмического богатства признаются такие явления, которые могут и не обогащать ритма).

В-третьих, ряд явлений ритмической жизни стиха им вовсе не оценивается (напр., видоизменение ритма, происходящее под влиянием логического строя стиха).

Эти недостатки, по нашему мнению, лишают выводы Андрея Белого научного значения. Вот почему мы никак не можем согласиться с утверждением Андрея Белого, что его характеристики ритма различных лириков суть «беспристрастные» т. е. объективные описания: научной почвы под построениями Андрея Белого – нет.

Нам остается добавить, что сам Андрей Белый не неосведомлен о тесной связи, существующей между пиррихиями и цезурами. В одном месте своей книги (стр. 276–278) он определенно признает ее. «Звуковая особенность пиррихической стопы, – говорит он, –

зависит не только от самой стопы, но и от слова, которое эту стопу образует». Несколько далее он говорит, что ритмический характер пиррихической стопы «резко изменяется» в зависимости от местоположения цезуры. Но потом, на протяжении всей своей книги, Андрей Белый нигде об этом своем утверждении не вспоминает и нигде не принимает в расчет зависимости пиррихических от цезур. Так как многие выводы Андрея Белого решительно невозможны, если эту зависимость признавать, – приходится предположить, что все рассуждение об ней (указанные выше страницы) есть позднейшая вставка, обязанная своим появлением в книге какому-либо постороннему влиянию.

Мы должны, однако, сказать, что самые выводы Андрея Белого (о ритме различных поэтов), если не искать в них исключительной научной обоснованности, представляют много интересного. Андрей Белый ошибается, думая, что делает свои заключения на основании экспериментальных данных, но его критическое чутье подсказывает ему ряд любопытных соображений.

Так, например, очень любопытно утверждение Андрея Белого, что поэты 50-х и 60-х годов, следуя за Пушкиным в общих чертах ритма, выродили русский ямб в стих «прилизанный» и «благополучно гладкий», обладающий призрачной легкостью. Не менее любопытно замечание, что у Сологуба и Блока «ритм пробуждается от Пушкиноподобной версификаторской гладкости наследия Майкова и А. Толстого к подлинному ритмическому дыханию». Заслуживают внимания и все другие характеристики ритма разных поэтов, старых и новых.

Мы полагаем, что у Андрея Белого есть все

данные, чтобы выполнить ту задачу, которую он себе поставил: заложить основания «науки о стихе», а тем самым и «научной эстетики». Неудачу, постигшую Андрея Белого на этом пути, мы склонны объяснять исключительно той спешностью, с какой, по всем признакам, писался «Символизм». Для осуществления замысла Андрея Белого нужны были многие годы предварительных изысканий и собирания материала. Между тем Андрею Белому хотелось, повидимому, без промедления, связать некоторые свои беглые наблюдения с некоторыми своими, может быть, преждевременными догадками. Ему хотелось теперь же перекинуть мост от законов стихосложения и к символизму, и к теософии, и ко многому другому... Это торопливое желание скорее перейти к общим выводам и повело к указанным нами недостаткам исследования. Впрочем, при всех слабых сторонах, книга Андрея Белого представляет собою явление не заурядное, и те её части, которые посвящены ритмике, имеют большое значение. Здесь поставлено много важных вопросов, рассыпано не мало дельных замечаний, и, главное,

резко и твердо выдвинута важная проблема о создании «научной эстетики». Надо пожелать, чтобы Андрей Белый вновь вернулся к разработке тех вопросов, которые он, слишком поспешно, думал разрешить в «Символизме». Если Андрей Белый пожелает работать более методически, не будет торопиться с красивыми обобщениями, согласится довольствоваться теми выводами, на которые уполномочивают сделанные наблюдения, — он, без сомнения, окажет значительные услуги молодой «науке о стихе». Теперь же, читая грузный «Символизм», иной раз думаешь, что напрасно Андрей Белый с таким негодованием говорит о «пучине газетного легкомыслия»: довольно часто отваживается он сам нырять в эту «пучину».